

Лебедев А. П. Неожиданный спор между немецкими учеными о составе евхаристических даров древнейшей церкви // Богословский вестник 1894. Т. 1. № 2. С. 282–305 (2-я пагин.).

Неожиданный споръ между нѣмецкими учеными о составѣ евхаристическихъ даровъ древнѣйшей церкви.

Запѣвалою или застрѣльщикомъ во всѣхъ научно-богословскихъ спорахъ въ нѣмецкомъ протестантскомъ мѣрѣ нашего времени является одно и то-же лице — извѣстный берлинскій профессоръ Адольфъ Гарнакъ. Неудивительно, поэтому, если вышеуказанный споръ о составныхъ элементахъ Евхаристіи древнѣйшихъ временъ церкви вызванъ и возбужденъ тѣмъ же Гарнакомъ. Споръ этотъ, повидимому, закончился и представляетъ собой явленіе, отошедшее въ область исторіи. Подъ именемъ спора въ настоящемъ случаѣ не нужно однакожъ разумѣть какое-либо—общественное движеніе, въ которомъ нерѣдко участвуютъ люди различныхъ профессій и неодинаковыхъ интересовъ. Споръ, который мы имѣемъ въ виду обозрѣвать, есть споръ чисто-ученый, плодъ кабинетной мысли, до котораго мало дѣла такъ называемой большой публикѣ. Это не то что споръ о символѣ Апостольскомъ, который не прекратился еще въ настоящую минуту ¹⁾. Разсмотримъ ту область нѣмецкой литературы (она не обширна), по которой легко судить о смыслѣ и значеніи указаннаго кабинетнаго спора среди нѣмецкихъ ученыхъ.

1) *Harnack A.*: Brod und Wasser—die eucharistischen Elemente bei Iustin (Хлѣбъ и вода — евхаристическіе элементы, по св. Іустину). Напечатано въ *Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Litteratur von Gebhardt und Harnack. Band VII, Heft 2. Leipzig. 1891.*

¹⁾ См. изложеніе современнаго спора въ Германіи о символѣ Апостольскомъ въ ноябрьской и декабрьской кнн. „Богословскаго Вѣстника“, за 1893 г.

Уже самое заглавіе этого произведенія Гарнака сразу же даетъ понимать о какой будто бы ученой новинкѣ онъ хочетъ повѣдать читателю, а вмѣстѣ съ тѣмъ это же самое заглавіе безмѣрно изумляетъ послѣдняго. Какъ-то совсѣмъ не вѣрится, чтобы серьезно можно было разсуждать на такую парадоксальную тему. Но подижь: Гарнакъ не только серьезно разсуждаетъ на эту тему, но и пишетъ, повидимому, съ полнымъ убѣжденіемъ. Посмотримъ, что такое онъ пишетъ.

Обыкновеніе пользоваться при совершеніи св. Евхаристіи *только* хлѣбомъ и *водою*, говоритъ Гарнакъ, въ древнѣйшія времена христіанства было широко распространено, и даже въ пятомъ вѣкѣ встрѣчаемъ борьбу съ нимъ; да и еще позднѣе обыкновеніе это не прекращалось совсѣмъ — въ аскетическихъ монашескихъ кружкахъ. Вотъ полный обзоръ тѣхъ лицъ или обществъ, въ средѣ которыхъ, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, употреблялись въ Евхаристіи хлѣбъ и вода: гностическіе іудео-христіане, апологетъ Татіанъ, энкратиты, маркіониты, апостолики (сектанты, о которыхъ говоритъ св. Епифаній). На это-же обыкновеніе указываютъ многія апокрифическія „Исторіи Апостоловъ“. Этому же обыкновенію, кажется, держались, манихеи. Важнѣе этого послѣдняго указанія то, что Филастрій (латинскій писатель IV в.) отмѣчаетъ особую секту „акваріевъ“; замѣтку Филастрія воспроизводитъ потомъ Августинъ.

Уже то простое наблюденіе, что обычай встрѣчался не только между гностиками, но и въ такихъ разнообразныхъ обществахъ, какъ евіониты и энкратиты, свидѣтельствуешь, что самый обычай очень древень и не оставался вовсе чуждъ и каѳолической церкви. Съ перваго взгляда кажется, что корень явленія нужно искать единственно въ аскетическихъ тенденціяхъ, но это одно не объясняетъ всего дѣла. Измѣненію того вида Евхаристіи, въ какомъ она совершена и учреждена Христомъ, могло очень содѣйствовать то обстоятельство, что ап. Павелъ въ своихъ Посланіяхъ никогда прямо не говорилъ о винѣ, какъ элементѣ Евхаристіи, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ сообщаетъ свѣдѣнія объ учрежденіи таинства. У Павла говорится лишь вообще о чашѣ, которая у него именуется „чашей благословенія“, „чашей Господней“. Да и въ синоптическихъ

Евангеліяхъ, когда воспроизводятся слова установленія таинства, прямо вино не упоминается. Только въ заключительныхъ словахъ (Nachwort) Христа (Матѣ. 26, 29. Ср. Мр. 14, 15 и Лук. 22, 18) вино — и притомъ ясно — указывается: „отнынѣ не буду пить отъ сего плода лознаго“. Изъ вышецитированныхъ мѣстъ уже открывается, что энкратиты могли пользоваться свидѣтельствами св. Писанія въ ихъ интересахъ. Въ свою пользу они несомнѣнно ссылались на Прит. 9, 17: „воды краденныя сладки и утаенный хлѣбъ пріятенъ“; и на Амос. 2, 12: „а вы назареевъ поили виномъ и пророкамъ приказывали, говоря: не пророчествуйте“; они вообще заповѣди назарейства прилагали къ христіанамъ. Христіанскіе пророки (о коихъ извѣстно изъ исторіи монтанизма) могли оправдывать свое отступленіе отъ примѣра Христа тѣмъ же, чѣмъ они оправдывали себя въ воздержаніи отъ брака: Христосъ еще „позволилъ“ пѣчто, что однакожъ теперь при концѣ міра, на основаніи законоположенія Параклита, не должно имѣть мѣста. Во всякомъ случаѣ вопросъ о водѣ и винѣ или объ „одной водѣ“—во второй половинѣ II вѣка возбуждалъ споры.

Рѣшительнѣйшее доказательство того, что въ католической церкви при совершеніи Евхаристіи употреблялись хлѣбъ и вода, находимъ въ мученическихъ актахъ Піонія (III в.). Въ мученическихъ актахъ Піоній много разъ называетъ себя католическимъ христіаниномъ, и однакожъ о немъ и его сотоварищахъ здѣсь сказано: „совершивъ молитву, они приняли св. хлѣбъ и воду“. Такимъ образомъ въ „Актахъ“ Піонія находимъ древнее или почти древнее свидѣтельство, что въ Азіи Евхаристія совершалась на хлѣбѣ и водѣ. Письмо 63 Кипріяна написано къ одному изъ подчиненныхъ ему епископовъ — Цецилію. Можно полагать, что этотъ Цецилій пользовался большимъ уваженіемъ; тѣмъ важнѣе — указанное письмо. Изъ этого письма видно, что тогда въ Сѣверной Африкѣ много было епископовъ, которые совершали Евхаристію на хлѣбѣ и водѣ. Эти епископы для оправданія своей практики, какъ видно изъ письма, ссылались 1) на доказательства *изъ св. Писанія*, 2) на *Преданіе*. Принадлежалъ ли самъ Цецилій къ подобнымъ епископамъ — нельзя сказать навѣрное; но однакожъ можно утверждать, что Кипріанъ только изъ вѣжливости остав-

ляетъ этотъ вопросъ въ темнотѣ. Письмо Кипріяна написано въ формѣ мягкой и осторожной, но тѣмъ не менше оно отличается твердостью и опредѣленностью и во всѣхъ отношеніяхъ принадлежитъ къ самымъ лучшимъ письмамъ епископа кареагенскаго. Ложная практика, которой держались обличаемые имъ епископы, не осуждается имъ, какъ еретическая; онъ говоритъ, что они дѣйствуютъ по простотѣ и невѣдѣнію и что Богъ проститъ имъ за ихъ простоту. Изъ словъ Кипріяна: „мы будемъ писать объ этомъ прочимъ нашимъ сотоварищамъ, чтобы вездѣ соблюдалось преданіе Господне, и чтобы нигдѣ не было отступленія отъ того, чему училъ словомъ и примѣромъ Христосъ“—видно, что здѣсь дѣло идетъ о неправильномъ обыкновеніи, распространившемся во всемъ его церковномъ округѣ. Побѣдоносные и сомнительные (?) аргументы Кипріяна, которыми онъ опровергаетъ заблужденіе, перебирать нѣтъ необходимости. Важнѣе знать, на чемъ опирались въ своей практикѣ враги церковнаго обыкновенія. Что касается доказательствъ *изъ св. Писанія*, то эти враги опирались на всѣ тѣ мѣста Ветхаго Завета, гдѣ обѣщевается вода, которую будутъ потомъ *питъ* и которую, поэтому будтобы нельзя относить къ таинству крещенія. Они ссылались на Иса. 43, 18—21: „Я въ пустынѣ дамъ воду, чтобы поить избранный народъ мой“; Иса. 48, 21: „не жаждутъ они въ пустыняхъ, чрезъ которыя Онъ ведетъ ихъ. Онъ источаетъ имъ воду изъ камня; разсѣкаетъ скалу и льются воды (и пьетъ народъ Мой)“; далѣе они указывали на евангельскія изреченія: Иоан. 7, 37—39: „если кто жаждетъ, да придетъ и пьетъ; Матѳ. 5, 6: „блаженни алчущіе и жаждущіе правды“ и проч. Всѣ вышеприведенныя изреченія Кипріянь въ полемикѣ съ указанными заблуждающимися относятъ ко крещенію. Особенное значеніе заблуждающіеся придавали словамъ изъ Исаи (33, 16): „хлѣбъ будетъ данъ ему и вода у него не изыкнетъ“ (*ἕδωρ πιστόν*—*aqua fidelis*). Это изреченіе несомнѣнно было своего рода *locus classicus* для акваріевъ, когда они старались оправдать свою практику. Кипріянь не совсѣмъ правъ, когда въ опроверженіе этого доказательства акваріевъ, отрицаетъ его отношеніе къ дѣлу и истолковываетъ его въ смыслѣ пророческаго указанія на таинство крещенія. Повидимому, акваріи въ свою пользу

ссылались и на евангельскій разсказъ о бракѣ въ Канѣ. Что касается *Преданія*, на которое тоже опирались заблуждающіеся, то въ этомъ отношеніи, судя по тому же письму Кипріяна, можно указать на слѣдующее: эти лица ссылались, какъ на образецъ, на прежнихъ епископовъ, по всей вѣроятности на прежнихъ карфагенскихъ епископовъ. Кипріянь пишетъ: „если кто изъ предшественниковъ нашихъ не соблюдалъ и не держался того, что сохранять заповѣдалъ намъ Господь и своимъ примѣромъ и своимъ ученіемъ, то Господь“ и пр. И еще: „Итакъ, возлюбленный братъ, ни въ какомъ случаѣ не должно слѣдовать обычаю нѣкоторыхъ—приносить воду въ чашѣ Господней, хотя бы прежде насъ и были люди, считавшіе это законнымъ. Ихъ надобно спросить: кому они слѣдовали? Если же должно слушать одного только Христа, то намъ надлежитъ обращать вниманіе не на то, что вздумалось кому-либо дѣлать прежде насъ, а на то, что совершилъ Христосъ. Должно слѣдовать не обычаю человѣческому, а истинѣ“. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ Сѣверо-африканской церкви приверженцы совершенія Евхаристіи на водѣ опирались на древніе и значительные авторитеты въ доказательство своей правоты. Такъ шли дѣла въ Сѣверо-африканской церкви. Практика Сѣверо-африканской и Азійской церковей указываетъ, что онѣ имѣли за себя древность: указанный ритуаль не встрѣчался бы въ III вѣкѣ, если-бы за нимъ не стояло древнѣйшаго преданія.

Извинившись за слишкомъ длинное введеніе, при чемъ Гарнакъ выражаетъ справедливое сомнѣніе въ томъ, что онъ разсѣялъ всѣ недоумѣнія читателя, онъ обращается къ вопросу, указанному въ самомъ заголовкѣ его произведенія и говоритъ: какъ смотритъ на это Іустинъ? Не обозначаетъ ли онъ при своемъ описаніи литургическаго акта хлѣбъ и воду, какъ исключительные евхаристическіе элементы? Я не припомню, заявляетъ нѣмецкій ученый, чтобы кто-нибудь въ древнѣйшее или новѣйшее время предлагалъ себѣ подобный вопросъ. Съ перваго взгляда представляется, что знаменитая глава (какая именно: 65 или 67?) въ Аполוגіи Іустина ясно именуется хлѣбъ и вино, какъ евхаристическіе элементы. Но я надѣюсь доказать—замѣчаетъ Гарнакъ—что ость всѣ основанія подымать вышеуказанный вопросъ и я

думаю, что съ большею вѣроятностію можно добиться правильнаго его разрѣшенія.—Несомнѣнно, что по отношенію къ ученію объ Евхаристіи и по отношенію къ разъясненію евхаристической практики древнѣйшаго времени церкви, 65—67 главы Апологіи Іустиновой имѣютъ великое значеніе. Но мы поставляемъ себѣ задачей, прежде чѣмъ войти въ разсмотрѣніе этого важнѣйшаго мѣста у Іустина, подвергнуть изслѣдованію всѣ другія свидѣтельства Іустина объ Евхаристіи, находящіяся въ его твореніяхъ. Такихъ свидѣтельствъ прямого или косвеннаго значенія — девять: семь въ его „разговорѣ съ Трифономъ“ и два въ Апологіи. Здѣсь Гарнакъ считаетъ умѣстнымъ сдѣлать замѣчаніе, что по его наблюденію и другихъ ученыхъ дошедшій до насъ текстъ твореній Іустина заключаетъ въ себѣ интерполяціи, между которыми встрѣчаются и интерполяціи тенденціознаго характера. Послѣ этого Гарнакъ переходитъ къ изслѣдованію указанныхъ имъ семи свидѣтельствъ изъ „Разговора“ и двухъ изъ „Апологіи“.

Въ 41 главѣ „Разговора“ говорится о „приношеніи пшеничной муки“, что служитъ „прообразомъ хлѣба евхаристическаго“; но о винѣ или водѣ при этомъ совсѣмъ не упоминается. Въ той же главѣ нѣсколько ниже приводятся изрѣченія, имѣющія отношеніе къ словамъ прор. Малахіи 1, 10 и дал. о жертвѣ, именно говорится: „жертва хлѣба евхаристіи и также чаши евхаристіи“; но о содержимомъ чаши ничего не говорится. Въ 117 главѣ того-же „Разговора“ (третье мѣсто изъ этого сочиненія) есть рѣчь о „сухой и жидкой пици“ христіанъ, при принятіи которой эти послѣдніе воспоминаютъ о страданіяхъ Христа. Но вода ли—вино ли употреблялось христіанами въ качествѣ „жидкой“ пици — объ этомъ нѣтъ ни слова. Дѣло становится яснѣе, когда начинаемъ читать 70 гл. „Разговора“ (четвертое мѣсто). Здѣсь цитируются слѣдующія слова изъ Исаіи: „хлѣбъ будетъ данъ ему и вода его вѣрная“ (въ русскомъ, какъ мы видѣли выше, вмѣсто послѣднихъ двухъ словъ читается: „у него не изсякнетъ“. Иса. 33, 16). Мы знаемъ, что эти слова приводятся и у Кипріана. Самъ Кипріанъ относитъ указанныя слова Исаіи къ таинству крещенія, но мы можемъ утверждать, что акваріи, противъ которыхъ пишетъ архипастырь карфагенскій,

пользовались этими самыми словами, какъ аргументомъ въ свою пользу, усматривая здѣсь прямое предъказаніе Евхаристіи. Въ такомъ же родѣ понимаетъ ихъ и Іустинъ. Слѣдовательно, по его воззрѣнію, „вода“ въ этомъ мѣстѣ Исаи служить пророчественнымъ указаніемъ на Евхаристию, при чемъ писатель не считаетъ нужнымъ входить въ подробности, какъ совершенно лишнія!

Три остальные (изъ семи) мѣста изъ „Разговора“ (гл. 52—54. 63. 69) и два изъ Апологіи (гл. 32. 54) Гарнакъ объясняетъ вмѣстѣ, а не въ раздѣльности. Всѣ они вращаются около прообразовательнаго смысла слѣдующаго мѣста изъ книги Бытія (49, 11): „Онъ (слова Іакова въ благословеніи имъ Іуды) привязываетъ къ виноградной лозѣ осленка своего и къ лозѣ лучшаго винограда сына ослицы своей. Моетъ въ винѣ одежду свою и въ крови гроздовъ одѣяніе свое“. Стихъ этотъ — продолжаемъ разсужденія Гарнака — потому важенъ, что въ позднѣйшее время отцы церкви относили его единогласно къ Тайной вечери. Въ самомъ дѣлѣ, отношеніе это такъ близко, что было бы непонятно, еслибы кто-нибудь въ древности упустилъ изъ вниманія указанное соотношеніе. Посмотримъ же какъ было понято это мѣсто Іустиномъ? Подъ „осленкомъ и сыномъ ослицы“, онъ разумѣетъ въ прообразовательномъ смыслѣ того осла и „жребя“, которые имѣли мѣсто при торжественномъ входѣ Господа въ Іерусалимъ; а подъ „одеждами, омытыми въ винѣ и въ крови гроздовъ“ въ томъ же смыслѣ находятъ указаніе на крестныя страданія Христа. Что же касается отношенія разбираемаго мѣста къ евхаристическому вину, то объ этомъ Іустинъ молчитъ. Это отсутствіе указаній Іустина при такихъ удобныхъ случаяхъ — на евхаристическое вино было настолько поразительно, что кто-то изъ позднѣйшихъ переписчиковъ разсматриваемыхъ мѣстъ изъ Іустина, рѣшился пополнить пробѣлъ, прибѣгнувъ къ интерполяціи: именно въ 54 гл. Апологіи и 69 гл. „Разговора“ Іустинъ рѣчь ведетъ о томъ, что демоны, желая повредить откровенной истинѣ, о которой они имѣли свѣдѣнія, передавали ее язычникамъ, но въ извращенномъ видѣ. Такъ, зная о пророчествѣ, заключающемся въ вышеприведенномъ стихѣ книги Бытія, демоны научили язычниковъ совершать ми-

стеріи Діониса, въ которыхъ дано было мѣсто и ослу. Для обозначенія осла въ греческомъ текстѣ Іустина, употреблено то самое слово, какое было нужно: *ὄνος*. Но позднѣйшему переписчику казалось неприятнымъ, что въ текстѣ Іустина нѣтъ упоминанія объ евхаристическомъ винѣ, а потому тамъ, гдѣ у Іустина стояло: *ὄνον*, онъ поставилъ вмѣсто этого слова: *οἶνον* — „вино“. Смыслъ и при такой замѣнѣ въ текстѣ сохранился. Такъ поступилъ интерполяторъ два раза. Къ такому измѣненію текста интерполяторъ пришелъ вслѣдствіе такихъ соображеній: Іустину пришлось два раза проводить параллель (въ вышеуказанныхъ мѣстахъ) между Христомъ (?) и Діонисомъ. Въ обоихъ случаяхъ Іустинъ говоритъ о Діонисѣ (Вакхѣ), что онъ былъ „изобрѣтателемъ“ винограда (т. е. винограднаго вина) и что въ его мистеріяхъ игралъ роль и осель. Въ параллель этому о Христѣ-же у него говорится только то, что Онъ совершилъ входъ на ослѣ, который будтобы предъ этимъ былъ найденъ привязаннымъ къ винограднику; *о томъ же, что Христосъ при совершеніи Тайной вечери приобщилъ учениковъ виномъ — здѣсь и мысли нѣтъ*. Въ исторіи послѣднихъ дней жизни Христа встрѣчаемся съ ослomъ; въ мистеріяхъ Діониса тоже встрѣчается осель! Затѣмъ, какъ было бы естественно, упоминая о виноградѣ, упомянуть кстати и о виноградномъ винѣ въ Евхаристіи! И однакоже Іустинъ молчитъ. Только впослѣдствіи, въ другіе вѣка, интерполяторъ восполнилъ этотъ пробѣлъ. Очевидно, замѣна въ двухъ случаяхъ слова: *ὄνον* словомъ: *οἶνον* — намѣренная.

Изъ вышеприведенныхъ разсужденій касательно свидѣтельствъ Іустина, Гарнакъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы: 1) Іустинъ нигдѣ въ вышеприведенныхъ случаяхъ не упоминаетъ о винѣ евхаристическомъ. 2) Въ 70 гл. „Разговора“ хотя онъ и упоминаетъ о жидкомъ элементѣ Евхаристіи, но говоритъ онъ здѣсь о водѣ, потому что по его замѣчанію „вода вѣрная“, о которой возвѣщается у пророка Исаи указывать на евхаристическую чашу. 3) Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ истолковываются Іустиномъ извѣстныя слова благословенія Іуды Іаковомъ (и гдѣ упоминается о виноградникѣ и винѣ), совсѣмъ нѣтъ рѣчи объ Евхаристіи, а ведется она о другихъ предметахъ. 4) Въ текстѣ Іустина

произвольно вставлено впоследствии два раза слово: *οἶνος* вмѣсто *ὄνος*, сдѣлана фальсификація и такимъ образомъ создана параллель между Евхаристією и мистеріями Діониса.

Послѣ этого Гарнакъ переходитъ къ разсмотрѣнію важнѣйшаго свидѣтельства Іустина, находящагося въ 65—67 главахъ его Апологіи. Здѣсь встрѣчается—замѣчаетъ Гарнакъ—пять мѣстъ, имѣющихъ отношеніе къ элементамъ Евхаристіи. Изъ этихъ пяти мѣстъ два въ изслѣдуемомъ вопросѣ значенія не имѣютъ. Именно въ гл. 66 говорится: „не такъ, какъ обыкновенный хлѣбъ и обыкновенное питіе, принимаемъ мы это“; и еще въ тойже главѣ: „и взявъ Онъ (Христосъ) также чашу“. Оба эти мѣста не имѣютъ значенія въ вопросѣ, потому что здѣсь ничего не говорится о томъ, что содержала чаша или въ чемъ состояло питіе. Три остальные мѣста читаются въ разбираемомъ отдѣлѣ Апологіи такъ: „послѣ приносится предстоятелю братій хлѣбъ и чаша воды и смѣшенія“ (*κραύματος*); потомъ: „называемые у насъ діаконами даютъ каждому изъ присутствующихъ принимать отъ евхаристическаго *хлѣба*, *вина* (*οἶνον*) и *воды*“; и наконецъ: *хлѣбъ* приносится и *вино*, и *вода*“. (Первыя два мѣста читаются въ 65 гл., а третье въ 67). Въ этихъ трехъ мѣстахъ заключается рѣшеніе всего вопроса. Съ перваго взгляда кажется, что эти мѣста исключаютъ всякое сомнѣніе; но однакожъ нужно принять во вниманіе слѣдующія соображенія: Въ первомъ мѣстѣ говорится: „чаша воды и смѣшенія“ — *κραύματος*. Странный оборотъ рѣчи! *Κραύμα* значитъ вино смѣшанное съ водой! Поэтому, какъ нелѣпо звучитъ выраженіе: „чаша съ водой и съ виномъ, которое смѣшано съ водой“! Можно утверждать, что выраженія: „*κραύματος*“ — „смѣшенія“ въ первоначальномъ текстѣ Іустина не существовало, и что оно внесено сюда впоследствии, чтобы поправить неприятое выраженіе: „воды“. Такое предположеніе очень вѣроятно, какъ скоро мы уже знаемъ, что въ текстѣ Іустина сдѣлана дважды поправка слова: *ὄνον* на слово: *οἶνον*. И дѣйствительно извѣстна одна рукопись Іустиновой Апологіи, гдѣ разбираемаго слова не находится и гдѣ просто читается: „чаша воды“ — и только. Послѣ этого едвали встрѣтятся пріятствіе утверждать, что и въ двухъ

остальныхъ мѣстахъ 65 — 67 гл. Апологіи слово: *ὄψος* есть позднѣйшая вставка. Вмѣсто словъ: „хлѣбъ, и вино, и вода“ въ обоихъ случаяхъ читалось просто: „хлѣбъ и вода“. Если же какой нибудь скептикъ и послѣ этого станетъ сомнѣваться, то пусть таковой наконецъ обратитъ вниманіе на слѣдующее: въ 66 гл. Апологіи Іустинъ очень внушительно воспроизводитъ Христовы слова установленія таинства (безъ упоминанія однакоже о „плодѣ лозномъ“), приводитъ изреченіе Христа: „сіе есть кровь моя“, добавляетъ: „и подаль имъ однимъ“ (ученикамъ); и вслѣдъ за этимъ Іустинъ пишетъ: „тоже самое злые демоны изъ подражанія научили дѣлать и въ мистеріяхъ Митры, ибо при посвященіи въ мистеріи, — какъ вы знаете или можете узнать—предлагается тамъ хлѣбъ и чаша съ водою“. Обратите вниманіе: *хлѣбъ и чаша съ водою*. — Надѣюсь, замѣчаетъ Гарнакъ, что я сдержалъ свое слово, давая обѣщаніе отыскать разрѣшеніе вопроса о составѣ евхаристическихъ даровъ, по свидѣтельствамъ Іустина. Іустинъ описалъ христіанское богослуженіе, въ которомъ при совершеніи Евхаристіи употреблялись хлѣбъ и вода, а не хлѣбъ, вода и вино. Его ученикъ Татіанъ (акварій) ничего новаго не вводилъ.

Выше мы замѣчали—продолжаетъ рѣчь Гарнакъ—что съ перваго взгляда представляется, какъ будтобы аскетическія воззрѣнія служили основаніемъ къ замѣнѣ вина водою въ Евхаристіи; но такое объясненіе нельзя признать вполне удовлетворительнымъ, какъ скоро примемъ во вниманіе, что разсматриваемая практика имѣла широкое распространеніе,—чуть ли даже она не была правиломъ въ церкви. Поэтому, появленіе ея нельзя уже объяснять однѣми аскетическими тенденціями. Большое значеніе въ этомъ случаѣ имѣла, какъ мы думаемъ, традиція. Чтобы глубже опредѣлить причины, вызвавшія разбираемую практику, мы соберемъ воедино весь матеріалъ историческій, сюда относящійся. Затѣмъ читатель находитъ у Гарнака 4-ре § подъ литерами: А, В, С, D. Въ первомъ § собраны свидѣтельства древности, говорящія о винѣ, или водѣ и винѣ въ Евхаристіи, во второмъ—говорящія просто о чашѣ или питіи, въ третьемъ — о водѣ, въ четвертомъ — лишь о преломленіи хлѣба съ умолчаніемъ о чашѣ. Всѣ эти свидѣтельства заимствованы изъ новозавѣтныхъ Писа-

ній и церковныхъ авторовъ до конца III вѣка. Разумѣется, въ вопросѣ имѣютъ главное значеніе свидѣтельства третьяго и четвертаго параграфовъ. Этихъ свидѣтельствъ мы выписывать впрочемъ не станемъ. А сообщимъ лишь тѣ результаты, къ какимъ приходитъ Гарнакъ на основаніи всѣхъ собранныхъ имъ свидѣтельствъ, указанныхъ нами выше. Чему научаетъ этотъ обзоръ свидѣтельствъ, спрашиваетъ этотъ ученый. Я думаю—отвѣчаетъ онъ же, что обзоръ довольно ясно говорить. Учрежденіе Господомъ Евхаристіи первоначально понималось такъ, что оно не связывалось обязательно только съ хлѣбомъ и виномъ, а вообще съ пищей и питіемъ (!!), т. е. съ обыкновенной трапезой. Очень простая трапеза состоитъ изъ хлѣба и воды. Многіе бѣдные имѣютъ только хлѣбъ и воду; но и это все же трапеза, а потому она можетъ быть (!) и Евхаристіей. Самый неизбѣжный элементъ трапезы—хлѣбъ; содержимое же въ чашѣ можетъ видоизмѣняться, Поэтому-то въ свидѣтельствахъ объ Евхаристіи чаще всего встрѣчаемъ указаніе на хлѣбъ. Питіе только сопровождаетъ вкушеніе хлѣба: питіе само не есть пища, а только добавокъ къ ней. Что выбирается для питія—это дѣло второстепенное. Слѣдовательно элементами Евхаристіи служатъ *хлѣбъ* и *чаша* (но не необходимо чаша вина!!). Что и въ древнѣйшія времена христіанства разсуждали совершенно такъ же, въ этомъ вполне убѣждаемся на основаніи свидѣтельствъ ап. Павла. Павелъ въ самомъ важномъ мѣстѣ своихъ писаній говорить лишь о хлѣбѣ и чашѣ (1 Кор. 10, 16; 11, 23—28). Онъ предположительно говорить, что вино употреблялось при совершеніи аганы въ Коринѣ (1 Кор. 11, 21); но съ другой стороны, онъ сравниваетъ питіе (?) съ питіемъ воды Израильтянъ въ пустынѣ (1 Кор. 10, 3) и совершенно рѣшительно говорить: „лучше не ѣсть мяса, не пить вина“ (Римл. 14, 21). Недостойная уловка утверждать, что будто при этомъ исключается евхаристическое вино. Если Павелъ восхваляетъ воздержность отъ вина, то этимъ онъ рекомендуетъ воздержность отъ него и въ Евхаристіи. Слѣдовательно, онъ признавалъ, что хлѣбъ и чаша воды достаточны для Евхаристіи. Мы не должны поэтому удивляться, что позднѣе въ самомъ Римѣ (по свидѣтельству Іустина) Евхаристія совершалась на хлѣбѣ и водѣ. Па-

вель впрочемъ предоставилъ свободу въ данномъ случаѣ. Древнѣйшая церковь не была подзаконною. Такое же свидѣтельство даютъ четыре евангелиста (!!).

Гарнакъ для полноты своего очерка входитъ въ краткое разсужденіе и о томъ, почему распространенный, по его сужденію, обычай совершать Евхаристію на водѣ—началъ падать и уступать мѣсто теперешнему обычаю. Вотъ его мысли по этому поводу: около 150 года церковь ведетъ сильную борьбу съ гностицизмомъ, особенно съ дуалистическо-аскетическою его формою; въ то же время заканчивается образованіе канона Новозавѣтнаго, при чемъ писанія апостольскія стали считать священными и по ихъ буквѣ—все это располагало церковь въ скоромъ времени урегулировать тотъ видъ евхаристическихъ даровъ, который извѣстенъ въ наше время.

Таково содержаніе обозрѣннаго нами трактата Гарнака объ Евхаристіи.

2) Zahn. Brot und Wein im Abendmahl der alten Kirche (Хлѣбъ и вино въ Евхаристіи древней церкви). Erlang. und Leipzig. 1892.

Въ извѣстномъ памятникѣ древности—Климентины выражается правило, что въ явленіяхъ человѣческаго міра сначала начинается господствовать зло, а потомъ добро неизмѣнно смѣняетъ и преодолеваетъ его. Прилагая это правило къ историческимъ явленіямъ христіанскаго времени, Климентины повѣствуютъ о томъ, какъ сѣялъ сѣмена ереси и заблужденія Симонъ волхвъ, и какъ по слѣдамъ его всюду шествовалъ истинный апостолъ—Петръ и искореняя посѣянное Синомъ, насаждалъ пшеницу чистаго христіанскаго ученія. Нѣчто подобное видимъ на примѣрѣ Гарнака и Т. Цана. Гарнакъ, какъ мы сказали выше, служить запѣвалой въ теперешнихъ богословскихъ спорахъ въ Германіи. Но лишь только Гарнакъ выступитъ въ свѣтъ съ какимъ-нибудь парадоксальнымъ богословскимъ мнѣніемъ, какъ Цанъ, вслѣдъ затѣмъ непремѣнно выпускаетъ книгу или пишетъ журнальную статью въ опроверженіе новшества Гарнакова и для утвержденія такъ называемыхъ ортодоксальныхъ протестантскихъ убѣжденій. Неизмѣнность такого чередованія явленій невольно напоминаетъ древнее сказаніе о Симонѣ и Петрѣ. Въ вопросѣ объ Евхаристіи

древняго времени Цанъ остался вѣренъ себѣ и своей миссіи—идти по слѣдамъ Гарнака и искоренять посягаемое этимъ послѣднимъ. Вышепоименованное сочиненіе Цана написано прямо противъ Гарнака.

Свою брошюру Цанъ начинаетъ жалобой на то, какъ сильно измѣнился характеръ богословскихъ нѣмецкихъ работъ настоящаго времени по сравненію съ недавнимъ прошедшимъ. Въ срединѣ текущаго вѣка въ Германіи писали обширные труды по исторіи ученія о Лицѣ Христа, о Троицѣ, ученія о искупленіи, объ Евхаристіи. Теперь же, въ послѣднія десятилѣтія, историческое изслѣдованіе мало имѣетъ дѣла съ мыслями, какія выражали отцы и учителя церкви, а больше занимается самыми предметами, матеріалъ для которыхъ можно находить въ писаніяхъ указанныхъ лицъ: пишутъ—исторію символа, исторію церковнаго управленія, христіанскихъ нравовъ и др. Къ такимъ писателямъ Цанъ причисляетъ и Гарнака.

Цанъ начинаетъ разборъ Гарнака прямо съ его сужденій о свидѣтельствахъ Іустина касательно Евхаристіи. Гарнакъ придаетъ большое значеніе тому, что въ словахъ Іустина по поводу извѣстнаго благословенія Іуды Іаковомъ совсѣмъ нѣтъ указаній на евхаристическое вино. Цанъ же находитъ, что въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Іустинъ здѣсь совсѣмъ не говоритъ объ Евхаристіи, а не говоритъ потому, что и не думалъ говорить объ этомъ предметѣ. И это не удивительно, потому что многіе церковные писатели того времени, имѣя дѣло съ тѣмъ же текстомъ изъ книги Бытія поступаютъ такъ же, какъ и Іустинъ. Иринеи ліонскій цитируетъ этотъ самый текстъ (Быт. 49, 11), не вдаваясь ни въ какія подробности; Климентъ александрійскій выраженіе: „виноградъ“ въ этомъ же текстѣ истолковываетъ въ примѣненіи къ Логосу, Христу, а плодъ винограда—вино—въ примѣненіи къ крови Христовой. Объ Евхаристіи же этотъ писатель ничего не говоритъ при этомъ случаѣ. Ипполитъ римскій даетъ довольно подробное объясненіе благословенія Іуды Іаковомъ, не касаясь ни однимъ словомъ Евхаристіи. Оригенъ, объясняя это же благословеніе, держится тѣхъ предѣловъ, которыхъ держался Іустинъ. Значитъ, нельзя выводить никакихъ заключеній изъ того, что Іустинъ молчитъ объ евхаристическомъ винѣ, при истол-

кованіи благословенія Іуды.— Что касается двукратной „замѣны“ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ слова: *ὄϊνον* выраженіемъ: *οἶνον*, то Цанъ вполне согласенъ съ тѣмъ, что эта замѣна не основательна. Другіе критики Гарнака идутъ этимъ же путемъ ¹⁾. Происхожденіе разсматриваемой интерполяціи, по Цану, отнюдь не слѣдуетъ объяснять тенденціозными цѣлями, какъ думаетъ Гарнакъ. Дѣло было гораздо проще. Гарнакъ между прочимъ пишетъ: „извѣстно, что осель считался священнымъ въ культѣ Діониса“ (Вакха). Но это извѣстно берлинскому профессору, и могло быть неизвѣстно какому нибудь монаху 5—8 вѣка, читавшему и переписывавшему Іустина. Ему напротивъ очень хорошо было извѣстно, что Діонисъ богъ вина; если бы даже онъ этого и не зналъ, то могъ узнать изъ словъ самого же Іустина, находящихся въ этомъ же мѣстѣ, но нѣсколько выше. А зная это, переписчикъ очень легко могъ сдѣлать безтенденціозную поправку, замѣнивъ непонятнаго для него „осла“ почти неизбѣжнымъ выраженіемъ „вино“, тѣмъ болѣе, что греческое начертаніе того и другаго названія почти одинаково. Называть такого невиннаго справщика фальсификаторомъ— просто значить клеветать на него.

Затѣмъ Цанъ переходитъ къ разбору мудрованій Гарнака по поводу знаменитыхъ 65—67 главъ Апологіи, гдѣ изображается древнѣйшій видъ совершенія литургіи. Между тѣмъ какъ въ „Разговорѣ“ Іустинъ всегда говоритъ только неопредѣленно о хлѣбѣ и чашѣ, и одинъ разъ о „сухой и жидкой пищѣ“, въ Апологіи въ указанномъ мѣстѣ, онъ трижды говоритъ о содержимомъ чаши. Здѣсь больше всего вводитъ въ соблазнъ Гарнака выраженіе Іустина: „хлѣбъ и чаша воды и смѣшенія“. Но соблазниться тутъ не чѣмъ. Правда это выраженіе не стройно, но оно не невозможно. Оно могло быть подлиннымъ выраженіемъ самого Іустина (а не вставкой). *Κράσις* (смѣшеніе), по этимологическому значенію можетъ означать „примѣшеніе, прибавку вина“. А въ такомъ случаѣ вся фраза получаетъ правильный

¹⁾ Не понятно, зачѣмъ Гарнакъ подымаетъ шумъ изъ-за подмѣны слова: „осель“ словомъ „вино“. Правильное чтеніе возстановлено уже давно. Даже въ русскомъ переводѣ твореній Іустина П. А. Преображенскаго (М. 1864 г.) разсматриваемыя мѣста читаются правильно. Возстановленіе текста уже сдѣлано и не возбуждаетъ никакихъ затрудненій.

смысль. Если что особенно бросается въ глаза при чтеніи 65—67 гл. Апологіи, то это слѣдующее: здѣсь въ трехъ случаяхъ выразительно упоминается вода, какъ элементъ Евхаристіи, а при одномъ случаѣ вода упомянута напередъ вина, при чемъ вино является какъ-бы добавкой къ водѣ. Это несомнѣнно бросается въ глаза, но находить достаточное для себя объясненіе. Во первыхъ извѣстно, что вообще во времена древней церкви при совершеніи Евхаристіи употреблялось вино, сильно разбавленное водою (въ древности никогда вино и вода не смѣшивались въ равныхъ доляхъ, а обыкновенно вода относилась къ вину, какъ 3 : 1 или 2 : 1 и въ крайнемъ случаѣ 3 : 2). Во вторыхъ, какъ извѣстно, во времена гоненій, на христіанъ сыпались разнаго рода клеветы, между прочимъ о нихъ говорилось, что будто на своихъ братскихъ трапезахъ (и при Евхаристіи) они увивались и позволяли себѣ постыдныя дѣйствія. Поэтому, апологету, въ интересахъ защиты христіанъ, приходилось очень осторожно говорить о винѣ. Онъ такъ и поступаетъ: говорить о хлѣбѣ и чашѣ воды съ нѣкоторою примѣсью вина—и только.

Цанъ для опроверженія неправильныхъ воззрѣній Гарнака на свидѣтельства Іустина, указываетъ на слѣдующія обстоятельства: Климентъ Александрійскій, учителя коего были современниками Іустина, и Иринея, имѣвшій уже не дѣтскій возрастъ, когда Іустинъ писалъ свои сочиненія, прямо считали совершеніе Евхаристіи на водѣ—ересью, а не „правиломъ церкви“, какъ должны бы они думать, сообразно предположеніямъ Гарнака. Указываетъ Цанъ вотъ еще на что: въ древности при устроеніи агалы употреблялось вино, а такъ какъ Евхаристія соединялась съ агалою, то устраненіе вина при совершеніи первой немисливо.

Особенно подробно занимается критикъ Гарнака разборомъ свидѣтельствъ ап. Павла, которыми такъ злоупотребляетъ берлинскій профессоръ. По словамъ Гарнака, Павелъ чуть-ли не считалъ воду такимъ элементомъ, который могъ заступать мѣсто вина въ Евхаристіи. Для доказательства этого положенія Гарнакъ ссылается на то, что при одномъ случаѣ апостоль „сравниваетъ питіе (при Евхаристіи) съ питіемъ воды Израильтянами въ пустынѣ“. Цанъ опровергаетъ Гарнака въ этомъ случаѣ тѣмъ, что сводитъ

мысль его къ абсурду. Извѣстно, что Павелъ говоритъ: „всѣ (вы, христіане) крестились въ Моисея во облакѣ и въ морѣ“ (1 Кор. 10, 2), сравнивая переходъ чрезъ Чермное море съ христіанскимъ крещеніемъ. Между тѣмъ несомнѣнно, что Израильтяне переходили море сухими ногами и столбъ облачный тоже не орошалъ ихъ. По методу же Гарнака изъ указаннаго сопоставленія слѣдовало бы дѣлать заключеніе, что апостоль равнодушно сталъ бы смотрѣть и даже счелъ бы дѣломъ позволительнымъ, если бы крещающій привелъ крещаемого къ водѣ, поставилъ бы его подлѣ нея, а потомъ объявилъ бы, что этотъ послѣдній омылся отъ грѣховъ и возродился банею пакибытія. Къ сравненіямъ нужно относиться благоразумно—хочетъ сказать Цанъ въ назиданіе Гарнака. Этотъ же критикъ разбираетъ выводы, сдѣланные берлинскимъ профессоромъ изъ словъ Павла: „хорошо не ѣсть мяса, не пить вина“. Апостоль въ этомъ случаѣ, какъ справедливо разсуждаетъ Цанъ, говоритъ не о томъ, что никто изъ христіанъ не долженъ бы ѣсть мясо и пить вино, а только о томъ, что если кого изъ слабыхъ братій соблазняетъ яденіе мяса и питье вина, то лучше было бы ревностнымъ христіанамъ не дѣлать этого, но исключительно для устранения соблазна. Рѣчь идетъ у апостола о частной жизни христіанъ, при чемъ Евхаристія здѣсь совершенно исключается. Евхаристія есть общественное дѣйствіе, совершаемое по прямой заповѣди Христа; въ указанномъ же случаѣ (Римл. 14, 21) апостоль говоритъ о дѣйствованіи *отдѣльныхъ* лицъ и касается такого вопроса, относительно котораго нѣтъ *заповѣди* въ ученіи Христа.—Гарнакъ много значенія придаетъ тому обстоятельству, что Павелъ (какъ и многіе другіе) говорилъ не о хлѣбѣ и винѣ, а о хлѣбѣ и чашѣ, такъ что будто бы выходитъ, что апостоль не придаетъ вѣса самому содержанию въ чашѣ. Но вѣдь совершенно такъ же поступаютъ и четыре евангелиста, описывающіе совершеніе Тайной вечери и установленіе Евхаристіи на хлѣбѣ и винѣ. Здѣсь читается: Иисусъ взялъ хлѣбъ, Иисусъ взялъ чашу. Спрашивается: да какъ же иначе могли выразиться повѣствователи? Хлѣбъ такъ легко взять въ руки, а вино взять въ руки нельзя. Можно взять въ руки только сосудъ, въ

которомъ налито вино. Что въ чашу вливается вино, это зналъ всякій ребенокъ во Израилѣ; и не было надобности беспокоиться о томъ, что ученики Христовы или позднѣйшая церковь слова Господа о чашѣ 'отнесутъ къ сосуду, а не къ содержанію его. Ап. Павелъ, Іустинъ, Иринеи, говоря о хлѣбѣ и чашѣ, вмѣсто хлѣба и вина — очевидно пользуются привычными оборотами, заимствованными изъ евангелій. — Напрасно также Гарнакъ придаетъ преувеличенное значеніе тѣмъ свидѣтельствамъ древности, гдѣ говорится объ одномъ евхаристическомъ хлѣбѣ, безъ упоминанія вина и чаши. Въ этихъ случаяхъ хлѣбъ обозначаетъ весь составъ Евхаристическихъ даровъ. Вѣдь, говорится же въ другихъ свидѣтельствахъ объ одной лишь чашѣ, съ умолчаніемъ о хлѣбѣ? Будетъ ли кто отсюда дѣлать заключеніе, что чаша — главное въ Евхаристіи, а хлѣбъ нѣчто второстепенное и даже не нужное? Для того, чтобы не соблазниться упоминаніемъ одного хлѣба при обозначеніи Евхаристіи, нужно знать, что у Евреевъ хлѣбъ былъ символомъ всей вообще пищи, яденіе хлѣба у нихъ значило — обѣдъ; о смыслѣ еврейскаго слова хлѣбъ достаточно можно ознакомиться по четвертому прошенію молитвы Господней.

Если въ церковныхъ кругахъ встрѣчалось совершеніе Евхаристіи на водѣ, то это было проникновеніе сюда энкратическаxъ идей. Но во всякомъ случаѣ этотъ обычай въ кругахъ церковныхъ встрѣчался очень рѣдко. Примѣръ совершенія Евхаристіи въ нѣдрахъ церкви на водѣ Гарнакъ хочеть видѣть въ мученикѣ пресвитерѣ Піоніи (III в.). Но еще вопросъ: когда о немъ говорится, что онъ съ молитвою принималъ святой хлѣбъ и воду, то нужно ли здѣсь разумѣть Евхаристію? Піоній совершаетъ это дѣйствіе не въ церкви, а въ своемъ жилищѣ — это разъ. Далѣе: о какой молитвѣ говоритъ источникъ? Объ евхаристической ли? Нѣтъ, скорѣе объ обыкновенной утренней молитвѣ (дѣло было утромъ). Да и есть ли основаніе подъ хлѣбомъ разумѣть хлѣбъ Евхаристіи? Правда онъ именуется святымъ; но во первыхъ, это могла быть частица Евхаристическаго хлѣба, принесенная Піоніемъ изъ церкви въ домъ (что случалось въ древности); само собой понятно, что онъ принималъ ее утромъ съ водой, а не виномъ, и само собой понятно, что

подобное дѣйствіе не есть совершеніе Евхаристіи. Во вторыхъ, и обыкновенный хлѣбъ могъ быть названъ святымъ въ отличіе отъ идоложертвенныхъ яствъ, о которыхъ говорится выше и ниже въ источникѣ. Можетъ быть то былъ простой завтракъ ¹⁾. — Нужныя для него доказательства Гарнакъ старается отыскать въ извѣстномъ 63 письмѣ Кипріана, гдѣ онъ усматриваетъ слѣды распространенности въ церкви обычая совершать Евхаристію на водѣ. Цанъ, опровергая Гарнака, указываетъ на то, что приверженцы сказаннаго обычая, судя по Кипріану, были какіе то люди безъименные; изобрѣтатели того же обычая въ древности, какъ видно изъ того же Кипріана, были то же какіе-то анонимы; объ основаніяхъ практики мы въ существѣ дѣла то же ничего не знаемъ. Все дѣло представляется довольно темнымъ. Ясно одно: совершителями Евхаристіи на водѣ были какіе-то сектанты, пришедшіе къ указанному обычаю, вслѣдствіе отвращенія къ вину, вслѣдствіе чрезвычайнаго самоотреченія.

Обращаемся къ другому крикику Гарнака.

3) Iülicher. Zur Geschichte der Abendmahlsfeier in der ältesten Kirche (къ исторіи совершенія Евхаристіи въ древнѣйшей церкви): Theologische Abhandlungen. Freiburg i. B. 1892.

Юлихеръ принадлежитъ къ приверженцамъ и почитателямъ учено-теологической дѣятельности Гарнака, тѣмъ не менѣе это не мѣшаетъ первому стать въ рядъ его оппонентовъ по вопросу о составѣ евхаристическихъ даровъ древняго времени. Въ изложеніи критики Юлихера стараемся быть краткими, тѣмъ болѣе, что во многихъ случаяхъ онъ примыкаетъ къ возраженіямъ, сдѣланнымъ Цаномъ.

Авторъ заявляетъ, что къ составленію своего трактата онъ вызванъ былъ появленіемъ въ свѣтъ „ученаго, умнаго и подкупающаго“ трактата Гарнака по поводу древнѣйшей Евхаристіи. Свои замѣтки авторъ начинаетъ съ критики сужденій Гарнака о свидѣтельствахъ Іустина. Берлинскій профессоръ пишетъ: „если исключить спорныя мѣста въ 65—67 главахъ Апологіи, то открывается, что Іустинъ

¹⁾ Нужно замѣтить, что напротивъ другой критикъ Гарнака (Функъ) соглашается съ этимъ послѣднимъ въ воззрѣніи на дѣйствіе Піонія.

нигдѣ въ своихъ твореніяхъ не говоритъ о винѣ евхаристическомъ“. На это Юлихеръ отвѣчаетъ: „но если мы и изъ сочиненій Тертуллиана (болѣе поздняго писателя) возьмемъ отдѣлы, равные по объему съ тѣми, какіе подвергнуты разсмотрѣнію Гарнакомъ, то результатъ будетъ тотъ же“ (т. е. отрицательный). Іустинъ—добавляетъ критикъ—имѣлъ въ виду такую публику, которая (разумѣются язычники) мало интересовалась содержимымъ въ евхаристической чашѣ, какъ она не интересовалась и тѣмъ, изъ чего состоялъ и евхаристическій хлѣбъ.—Іустина Гарнакъ привлекаетъ въ качествѣ свидѣтеля въ пользу своихъ предположеній, имѣя въ виду, конечно, главнымъ образомъ Римъ, гдѣ дѣйствовалъ апологетъ. Но мы, идя вслѣдъ за Гарнакомъ, должны бы были утверждать, что таже практика существовала и въ Азіи. Въ противномъ случаѣ Поликарпъ Смирнскій, посѣтившій папу Аникиту (во II в.) долженъ бы придти въ изумленіе отъ евхаристической практики въ Римѣ. Но какъ извѣстно, онъ съ миромъ пришелъ въ Римъ и съ миромъ оставилъ его. Ужъ не нужно ли предполагать того, что въ то время и въ самомъ дѣлѣ представители церкви не интересовались вопросомъ: что заключаетъ чаша—воду или вино? Но мы имѣемъ двухъ важныхъ свидѣтелей, которые прямо называютъ отступленіемъ отъ правила—приношеніе Евхаристіи на водѣ—говоримъ о Климентѣ и Иринеѣ. И откуда Иринеѣ могъ заимствовать такой взглядъ на Евхаристію? Конечно изъ Азіи, откуда онъ былъ родомъ и изъ Рима, съ которымъ онъ былъ въ сношеніяхъ.

Нельзя отрицать того, что встрѣчались общины, которыя совершали Евхаристію на хлѣбѣ и водѣ, но они руководились въ этомъ случаѣ и ипераскетическими и дуалистическими *своими* воззрѣніями. Думать же, какъ хочетъ того Гарнакъ, что будто подобные акваріи опирались въ своей практикѣ на церковное преданіе—не возможно. Если энкратиты съ своимъ извѣстнымъ обычаемъ совершать Евхаристію на водѣ, вынуждены были отдѣлиться отъ каеолической церкви и образовать отдѣльную секту, то ясно, что они не могли участвовать при совершеніи литургіи, въ томъ видѣ, какъ она происходила здѣсь—не тревожа своей совѣсти, а съ этимъ ясно и то, что преданіе церкви не давало основанія для разсматриваемой практики энкрати-

товъ. То обстоятельство, что акваріи, судя по Гарнаку, очень энергически отыскивали основанія для своей практики въ словахъ св. Писанія, указываетъ, что церковное преданіе было не въ ихъ пользу. Очевидно, что церковь въ своей практикѣ опиралась на древнее преданіе, а акваріи, какъ нововводители должны были заново искать для себя подкрѣпленія въ Писаніи. Впрочемъ нужно сказать, что Гарнакъ иногда влагаетъ въ уста акваріевъ такія свидѣтельства изъ Писанія, какія къ дѣлу не относятся. Такъ, по его словамъ, акваріи (Татіанъ) обращали въ пользу своей евхаристической практики изреченіе Амоса: „вы назареевъ поили виномъ и пророкамъ приказывали: не пророчествуйте“; но въ дѣйствительности акваріи ссылались на это мѣсто изъ Амоса для защиты своего домашняго обыкновенія не пить вина.

Юлихеръ не придастъ значенія и тѣмъ соображеніямъ Гарнака, какія онъ основываетъ на извѣстномъ 63 письмѣ Кипріана. Онъ находитъ, что число тѣхъ африканскихъ епископовъ, которыхъ опровергаетъ Кипріанъ, какъ усвоившихъ себѣ практику акваріевъ, крайне было ограничено: ихъ было два—три. О всемъ этомъ дѣлѣ мы конечно теперь ничего бы не знали, еслибы случайно не сохранилось для насъ 63 письма Кипріана. Да и мало ли происходило странныхъ вещей въ разныхъ отдаленныхъ уголкахъ вселенской церкви? Неужели „церковь“ должна нести отвѣтственность за всѣ эти явленія? Гарнакъ думаетъ, что приверженцы противоцерковной практики въ Африкѣ были людьми выдающимися, такъ какъ они очень заботливо изслѣдовали Писаніе въ своихъ интересахъ; но Юлихеръ считаетъ это воззрѣніе преувеличеннымъ. Кипріанъ не разъ называетъ ихъ простецами и невѣждами. Нельзя быть увѣреннымъ и въ томъ, что всѣ тѣ мѣста Писанія, какія могли быть обращены въ пользу акваріевъ и надъ которыми оперируетъ Кипріанъ, въ самомъ дѣлѣ найдены и указаны африканскими акваріями. Кипріанъ и помимо своихъ акваріевъ, изъ разныхъ источниковъ, могъ знать тѣ же изреченія и примѣнить ихъ къ дѣлу полемики. Напрасно Гарнакъ старается утверждать, что будто бы въ Африкѣ было много епископовъ, державшихся практики акваріевъ. Кипріанъ не даетъ основаній для такого вывода. Правда экземпляры

своего полемическаго письма противъ акваріевъ онъ рѣшился разослать къ прочимъ африканскимъ епископамъ; но это свидѣтельствуется только о томъ, что явленіе было ново для Кипріана и онъ хотѣлъ положить предѣлы для его распро- страненія.

Глава 26 Евангелія отъ Матѳея—говорилъ авторъ—ясно свидѣтельствуется, что Тайная вечера совершена на хлѣбѣ и винѣ; поэтому, никакъ нельзя допускать, чтобы церковь безъ какой нибудь крайней необходимости отступила отъ прототипа Евхаристіи. Если же въ Африкѣ нѣкоторыя православныя общины вздумали совершать Евхаристію на водѣ, то единственно потому, какъ можно заключить изъ словъ Кипріана, что члены ихъ считаема неловкимъ употреблять вино въ раннее утро, когда совершалась литургія; и значить, еслибы литургія совершалась вечеромъ, какъ было въ первомъ вѣкѣ, то акваріи—очень возможно—ничего не стали-бы имѣть противъ употребленія вина.

4) Funk. Die Abendmahlselemente bei Iustin (Евхаристическіе элементы, по Іустину): Theolog. Quartalschrift, 1892, Heft 4.

Функъ—католическій профессоръ богословія. Статья его въ указанномъ журналѣ направлена противъ Гарнака. Функъ писалъ послѣ Цана, а потому часто просто ссылается на этого послѣдняго, не входя въ подробности. Предметомъ его критики служатъ лишь соображенія Гарнака, построенныя имъ на основаніи свидѣтельствъ Іустина.

При изученіи Іустина, я—говоритъ авторъ—пришелъ къ противоположнымъ выводамъ по сравненію съ Гарнакомъ. Этотъ послѣдній придаетъ большое значеніе словамъ изъ Исаи (33,16), приводимымъ Іустиномъ въ „Разговорѣ“: „хлѣбъ будетъ данъ ему и вода его вѣрная“. Дѣйствительно, очень странно, что это мѣсто прилагается Іустиномъ къ Евхаристіи и притомъ безъ всякихъ объясненій. Но впечатлѣніе это ослабляется, если примемъ во вниманіе слѣдующее: примѣняя указанное мѣсто къ Евхаристіи, Іустинъ говоритъ о хлѣбѣ евхаристическомъ, а о водѣ не упоминаетъ, вмѣсто которой онъ говоритъ вообще о чашѣ. Далѣе, нужно сказать, что Іустинъ въ своихъ истолкованіяхъ пророчествъ не особенно опредѣлененъ и точенъ. Онъ довольствуется указаніемъ немногихъ точекъ сопри-

косновенія между ветхозавѣтнымъ предсказаніемъ и его исполненіемъ въ Новомъ завѣтѣ. Поэтому апологетъ могъ находить соотношеніе между вышеприведенными словами изъ Исаи и таинствомъ Евхаристіи, хотя въ этомъ послѣднемъ употребляема была не одна вода, а еще и вино.

Гарнакъ много остроумія тратитъ, разсуждая по поводу Іустиновыхъ толкованій извѣстнаго текста, заключающаго благословеніе Іуды Іаковомъ: „онъ привязываетъ къ виноградной лозѣ осленка своего и къ лозѣ лучшаго винограда сына ослицы своей. Моетъ въ винѣ одесду свою и въ крови гроздовъ одѣяніе свое“. Іустинъ, какъ извѣстно, первую половину этого стиха относить къ торжественному входу Христа въ Іерусалимъ на ослати; а вторую къ Его страданіямъ. Разсматривая это истолкованіе, Гарнакъ удивляется, почему апологетъ не относить этого ветхозавѣтнаго пророчества къ христіанской Евхаристіи, какъ дѣлали другіе толкователи этого мѣста, и выводитъ отсюда заключеніе, что апологетъ мыслить Евхаристію безъ вина, иначе онъ-де воспользовался бы разбираемымъ мѣстомъ, примѣнивъ его къ евхаристической жертвѣ. Функъ съ своей стороны замѣчаетъ, что толкованіе Іустина имѣетъ свои несомнѣнныя достоинства, хотя о деталяхъ его толкованія каждый воленъ думать, какъ ему угодно. Но во всякомъ случаѣ Іустинъ поступилъ правильно, не относя указаннаго мѣста къ Евхаристіи. Его молчаніе въ этомъ случаѣ имѣетъ всѣ основанія. Въ самомъ дѣлѣ: въ словахъ благословенія Іуды нѣтъ упоминанія о хлѣбѣ, умалчивается о водѣ—какъ же относить ихъ къ Евхаристіи? Мало того: самое вино упоминается здѣсь не въ прямомъ смыслѣ, ибо во второй части одного и того же предложенія замѣняется словами: „кровь гроздовъ“. Поэтому, нисколько не удивительно, если Іустинъ — да и не одинъ онъ — не относитъ разбираемаго текста къ Евхаристіи, въ качествѣ пророчества.

Разбирая свидѣтельства Іустина въ 65—67 гл. его Аполוגіи—„этомъ драгоцѣнномъ описаніи евхаристическаго богослуженія“, Гарнакъ обращаетъ вниманіе на то, что здѣсь дважды поименовываются, кромѣ хлѣба и воды, *οἶνος* (вино) и одинъ разъ *κράσις* (смѣшеніе); но такъ какъ выраженіе *κράσις* онъ считаетъ позднѣйшей вставкой, то это даетъ ему основаніе предполагать, что и *οἶνος* въ прочихъ

двухъ случаяхъ тоже не болѣе, какъ позднѣйшая вставка. Возникаетъ вопросъ: правда ли, что *κράμα* позднѣйшая вставка? То справедливо, что чтеніе *κράμα* подлѣ слова *ὕδωρ* почти нескладно. Но чтожъ изъ этого? Вѣдь остается непонятнымъ, почему бы интерполяторъ выбралъ это не совсѣмъ складное слово? Почему бы ему вмѣсто этого слова не вписать ясное: *οἶνος* (вино), если онъ хотѣлъ внести въ рѣчь именно это понятіе? Трудность остается не разрѣшимую¹⁾.

Нужно утверждать, что выраженіе *κράμα* принадлежитъ самому Іустину. Правда, оно нѣсколько нескладно, но никто и не станетъ требовать отъ этого апологета изящества языка: Іустинъ не претендуетъ на это. Достаточно будетъ, если мы найдемъ это выраженіе лишь сноснымъ, а такимъ признать его возможно; тѣмъ болѣе, что Дюшенъ (Duchesne) въ *Bulletin critique* (1891, p. 282) замѣчаетъ, что въ греческомъ народномъ языкѣ близкое по созвучію слово: *κρασί* означаетъ прямо вино. Іустинъ, очевидно, употребляетъ спорное слово въ этомъ послѣднемъ значеніи.

Много и другихъ замѣчаній дѣлаетъ Функъ противъ Гарнака, но и приведеннаго достаточно, чтобы судить о силѣ полемики этого Гарнакова критика.

Цану, первому свосму критику, Гарнакъ отвѣчалъ (*Theolog. Literaturzeitung*, 1892, № 15), а прочимъ—нѣтъ. Какъ понимать это не желаніе Гарнака отвѣчать и прочимъ критикамъ, исключая Цана? Думать ли, что онъ счелъ ихъ замѣчанія не стоящими вниманія, или же онъ нашелъ ихъ очень дѣльными? Полагаемъ, что не сдѣлаемъ большой ошибки, предположивъ послѣднее, тѣмъ болѣе, что и отвѣтъ Гарнака Цану не силенъ, — такимъ находятъ его и критики берлинскаго ученаго (напр. Функъ).

Гарнакъ, отвѣчая Цану, ставитъ въ упрекъ ему то, что

¹⁾ Неразрѣшимой она остается для инославны ъ, а не для насъ, совершающихъ литургіи по древнимъ служебникамъ Церкви, изъ коихъ, какъ и изъ современной практики нашего богослуженія, слѣдуетъ, что свидѣтельство Іустина должно понимать буквально: предъ причащеніемъ вода (теплота) смѣшивалась не съ виномъ, а съ виномъ, разведеннымъ водою (*κράμα*). Это вторичное смѣшеніе имѣетъ основаніе въ преданіи о томъ, что на Тайной Вечери Господь, взявъ чашу, *растворилъ* водою, какъ читается въ литургіи Василія Великаго.

Прим. цензора.

будто онъ хочетъ „разрѣшать историческіе вопросы путемъ силлогизмовъ“. Чтожь отсюда? Неужели логика не нужна историку? Самъ Гарнакъ въ своей антикритикѣ влагаетъ въ уста акваріевъ слѣдующее разсужденіе: „Господь (въ Канѣ) изъ воды содѣлалъ вино; значитъ Его вино, а поэтому и вино христіанъ есть вода“. Читая эти строки невольно скажешь: иному историку не мѣшало бы побольше уважать логику. Заканчивая свой отвѣтъ Цану, Гарнакъ спрашиваетъ: „о чемъ собственно споримъ мы? Я никогда не отвергалъ, что и вино также всегда (stets) употреблялось“ (въ Евхаристіи). И опять спрашиваетъ: „о чемъ же мы споримъ?“

Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ они спорятъ?!

А. Лебедевъ.
